

МАТЕРИАЛЫ К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ СОЧИНЕНИЙ РЫЛЕЕВА

Сообщение Г. А. Рязанцева

1

Творчество Рылеева было обращено к прогрессивной русской общественности двадцатых годов, которую поэт-декабрист стремился воспитать для борьбы с «самовластием». Этому всячески старалась помешать цензура, яростно борováшаяся со всеми проявлениями политического «свободомыслия». К такому видному носителю его, как Рылеев, цензура относилась особенно настороженно.

Александровская цензура пропустила осенью 1820 г. в печать сатиру «К временщику». Она была обманута античным колоритом сатиры, которую Рылеев выдал за перевод из римского поэта Персия. Цензор «Невского зрителя» не увидел прозрачных намеков на современность. Конфисковать номер журнала после его выхода в свет было неудобно, так как это привлекло бы к сатире мало еще известного поэта всеобщее внимание. Однако для издателей «Невского зрителя» после напечатания сатиры «К временщику» началась полоса настоячивых цензурных придирок, закончившихся летом 1821 г. закрытием журнала.

Чем больше писал Рылеев, тем больше ставила ему препятствий цензура самодержавно-крепостнической империи. Он не мог при жизни увидеть в печати ни своего патриотического послания Ермолову, ни траурной оды на смерть Байрона, ни взволнованной прокламации по поводу смерти К. П. Чернова, ни стихотворения «Я ль буду в роковое время...» («Гражданин»). Света не увидели некоторые думы Рылеева, подготовленные им к печати, и ода «Гражданское мужество».

«После 1825 г. не только произведения Рылеева, но даже самое его имя на несколько десятков лет исчезает из русской легальной печати. Исключения — единичны и все приходятся или на официальные издания («Донесение Следственной комиссии» или «Приговор Верховного уголовного суда»), или на случайные перепечатки некоторых его вещей в трех лубочных песенниках и низкопробных альманахах 1829—1831 гг. (Мадригал „Кого не победит Аглаи томный взор“ в „Листках граций“, М., 1829; „Не сбылись, мой друг, пророчества“ в „Эвтерпе“, М., 1831; думы: „Наталья Долгорукова“, „Димитрий Самозванец“ и „Смерть Ермака“ в „Венере“, М., 1831). Все прочие перепечатки и редкие публикации неизвестных ранее произведений Рылеева („Партизаны“, „На смерть Байрона“, экспромт „У вас в гостях бывать накладно“, „В альбом Т. С. К.“) — строго анонимны. Об авторе „Дум“ и „Войнаровского“ нельзя упоминать даже иносказательно; его издания изымаются из казенных библиотек, вырезаются из старых журналов и альманахов, переписка и распространение их преследуется как нелегальщина и контрабанда»¹.

Охарактеризуем отношение цензуры к Рылееву на основании некоторых неопубликованных документов, почерпнутых из секретных архивов

III Отделения. Перлюстрацией 1827 г. было установлено, что кто-то из москвичей (возможно имевший отношение к университету) писал некоему Александру Ивановичу Попову в местечко Шполу: «В будущем году готовится здесь множество новых журналов, альманахов и прочей литературной сволочи, но „Полярная звезда“ погасла, а заступившие место ее — не что иное, как шумиха, ракетка и блуждающие огни»². Это сообщение привлекло к себе внимание перлюстраторов: название рылеевско-бестужевского альманаха в условиях злейшей реакции тех лет звучало, как напоминание о революции. Вот почему, когда в конце 1827 г. А. А. Ивановский задумал издавать альманах «Северная звездочка», помощник Бенкендорфа, Фон-Фок, предложил своему шефу «переменить заглавие без всякого шума и переписки», которые могли бы произвести «соблазн в публике», еще хорошо помнившей «Полярную звезду» и знавшей, что в 1826 г. вслед за нею должен был выйти в свет альманах под именем «Звездочка»³.

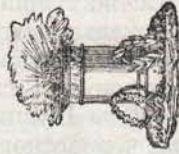
21 января 1832 г. начальник 2-го округа корпуса жандармов, граф Апраксин, ссылаясь на объявление в «Московских ведомостях» от 16 января, донес Бенкендорфу, что в книжном магазине Николая Глазунова продается «известная „Полярная звезда“ за 25 рублей ассигнациями»; «Появление сего сочинения и столь высокая цена, назначенная книгопродавцем, произвело здесь между многими какое-то удивление и различные толки»⁴. По этому вопросу немедленно заведено было «дело». Справку о «Полярной звезде» дал III Отделению Н. И. Греч 27 января, в переписке же о незаконной продаже «Полярной звезды» принял участие ряд лиц, в том числе московский цензор Е. И. Ольдекоп. О «преступном» распространении книг Бенкендорф доложил Николаю I, который «повелеть соизволил, дабы продажа книг была немедленно остановлена и дабы оные книги были от всех книгопродавцев отобраны; с тем вместе государю императору угодно иметь обстоятельные сведения: по какому случаю сочинения сии, напечатанные еще в 1825 году, ныне вновь поступили в продажу? В каком количестве экземпляров оные у книгопродавцев находятся и не были ли они вновь после издания их в 1825 году перепечатаны, и, наконец, по какому случаю назначена им цена столь высокая и несоразмерная с первоначальной...». Московский обер-полицеймейстер С. Н. Муханов, которому шеф жандармов задал 28 января все эти вопросы, 10 февраля донес, что «Полярная звезда» не переиздавалась, а у Глазунова были найдены единичные экземпляры, из которых он продал всего лишь три как редкие книги, чем и объяснялась повышенная цена⁵.

Столь ретиво ополчаясь на продавцов рылеевских альманахов, III Отделение принимало все меры к тому, чтобы изобличить тех, кто продолжал читать рылеевские сочинения. 19 июля 1827 г. лужский уездный стряпчий послал петербургскому губернскому прокурору следующее секретное сообщение:

«14 декабря 1825 г. оставило во многих умах воспоминания по свойству, понятиям и нравственности каждого из них. В некоем обществе рассуждаемо было о сочинениях известного Рылеева, в числе коих и мне знакомо одно под названием „Волынский. Дума“. Сокровенная цель и дух сочинителя, изображенные в сей думе, тогда только обнаружались совершенно, когда уже злые его замыслы представились на суд законов и общий. До того же сочинение сие могло быть сочтено произведением сильного порыва, человеколюбия и добродетели. Двусмысленность слов рассуждавших лиц об означенных сочинениях и свойствах сочинителя родила во мне мысль, что вместе с сими государственными преступниками должествовала бы погибнуть и память их, отзывающаяся в таковых сочинениях, ибо творения сочинителя, в умах знающих его совершенно и одинаких с ним правил, конечно, рождает одни и те же воображения, одни и те же страсти»⁶.

**ЖАСМИНЪ И РОЗА,
ПОДАРОКЪ ДЛЯ ТУАЛЕТА
НА 1830 ГОДЪ
ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ**

**И
ЛЮБИТЕЛЯМЪ ПѢНІЯ,
или НОВѢЙШЕЕ СОБРАНІЕ
РОМАНСОВЪ И ПѢСЕНЪ.**

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Стенанова.
При Императорскомъ Театрѣ.
1830.

78

Не вчера ли въ хороводѣ
Ты игралъ, дружокъ, со мной?
Не вчера ли, при народѣ
Называлъ меня душой?

Не вчера ли восхищался
Рѣзью дѣвочки, лицомъ?
Не вчера ли помѣнялся
Ты со мной своимъ коленомъ?

Не вчерась, въ любви безмѣрной
Ты, жестокій! утѣралъ?
Не вчерась мнѣ легковѣрной
Сердце, душу общалъ?

А сего дня?... о коварство!
Ты меня уже забылъ!—
И другую за богатство,
Другъ невѣрный, полюбилъ!

79

Я не такъ, дружокъ, богата,
Какъ прелестница швон:
Нѣтъ ни жемчуговъ, ни заплата,—
Но ужель безъ сердца я?

Полубивъ тебя сердечно,
Буду до смерти любить:
Кто полюбитъ, потѣ кончено
Ужъ не въ силахъ разлюбить.

Веселись!... а я страдаю!
Ахъ! шакое ли клань залогъ?
Веселись, дружокъ, я знаю:
За меня оплакишь Богъ!

Рытѣеѵ.

АЛЬМАНАХЪ «ЖАСМИНЪ И РОЗА» НА 1830 Г.

напечатано за подписью Рытѣева стихотворение

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольскаго, Москва

Здесь, очевидно незамеченное цензурой, было

Донос этот немедленно был переслан в III Отделение. Стряпчему приказано было собрать новые сведения и уточнить виновность каждого из людей, выражавших сочувствие Рылееву. В своем втором донесении от 13 июля 1827 г. лужский стряпчий сообщил начальству:

«1. Разговор о Рылееве, о сочинениях его происходил в квартире комиссара над казенными крестьянами — барона Зальца, который, впрочем, продолжался весьма недолго и заключался в нескольких только вопросах и ответах.

2. В оном участвовали — лужский помещик Херасков и проживающий у него отставной гвардии поручик Шимшев. Сам же хозяин под ту пору вышел в передние комнаты или в канцелярию свою, где пробыл несколько минут, а посему и содержание такового разговора ему не может быть известно.

3. Каким образом от прочих предметов последовал переход к Рылееву, о том не помню. Слова же г. Хераскова между прочим были следующие: *первое*: „Какой благородный и убедительный слог в сочинениях Рылеева“, *второе*: „Человек сей на самом опыте оправдал дух свой в сочинении его „Волынский. Дума“. Он с необыкновенной твердостью перенес смертную казнь“. И наконец, когда я отозвался, что может быть заблуждения его и самый порок представляются ему добродетелью, сожалея при этом, что человек с подобными способностями содеялся толико заблудшимся мечтателем, коего намерения предполагали неминуемое бедствие народа, — то на сие ответствовано: „Так можно быть преступником и не бывши злодеем“.

С вышеписанных и подобных тому слов я заключил, что сочинения Рылеева опасны для неопытных молодых и подобных ему мечтателей и что они в силах породить в них и дух его, а посему и цель моего донесения была та, что ежели, ваше высокоблагородие, признаете основательными замечания мои, то и примите зависящие от вас меры насчет воспреещения означенных сочинений, которые находятся и в печати. Впрочем, особенной цели означенным словам я предположить не могу, исключая что сей Рылеев сочинениями своими внушил к себе участие»⁷.

Уже к гораздо более поздней поре относится «докладная записка» в III Отделение прапорщика Наливайко 21 июля 1847 г. обратившегося к шефу жандармов А. Ф. Орлову:

«Считая доносы вообще делом недостойным благородного человека и презирая их совершенно, я не могу, однако, умолчать о следующих обстоятельствах: служащий письмоводителем у черкасского стряпчего канцелярист Липай спросил меня, запрещено ли иметь у себя сочинения Рылеева, и когда я отвечал утвердительно, то он сказал мне, что здесь, в Черкассах, распространяется между чиновниками последнее его стихотворение. Желая выследить, каким образом эти стихотворения попали сюда и с какою целью распространяются, я стал расспрашивать Липая, и вот что мне стало известным: живущий в Черкассах отставной чиновник 9 класса Коломийцев показал кому-то из чиновников эти стихи в рукописи, утверждая, что она писана собственною рукою Рылеева. Заинтересовав таким образом, он дал снять с нее копии, имеющиеся теперь, как говорят, у исправника Шкляревского, у губернского секретаря Павловского, секретаря черкасского земского суда Ляковского, который, в свою очередь, распространяет это стихотворение между молодыми людьми в Черкассах...»⁸.

Попытки Наливайки получить рукопись от Коломийцева как бы для списывания не дали положительных результатов. Лавры борца с «краснолою» Наливайке пришлось разделить с майором Ланге, который также донес на Коломийцева. Последний был арестован и вскоре (в 1848 г.) умер.

Несколько прошедших перед нами документов из архива III Отделения свидетельствуют о непрекращавшемся преследовании правительством Николая I всех, кто проявлял хотя бы малейший интерес к творчеству Рыльева.

II

Интерес читателей к зарубежным публикациям сочинений Рыльева — в сборниках «Полярная звезда» на 1856 и 1859 гг. и в отдельных изданиях «Дум» в Лондоне (1860) и сочинений в Лейпциге (1861) — побудил русских издателей к попыткам нарушить запрет произведений Рыльева. Одним из первых в их числе был издатель «Русского архива» П. И. Бартенев. В 1871 г. им были подготовлены два тома исторического сборника «Девятнадцатый век»; в первый том должны были войти записки Н. В. Басаргина, воспоминания о Рылееве Е. П. Оболенского и Н. А. Бестужева, а также письма Рыльева к Пушкину и несколько набросков дум. Рукопись первого тома сборника 25 августа 1871 г. представлена была в Московский цензурный комитет, который считал необходимым получить санкцию на выпуск от Главного управления по делам печати. Переписка между этими учреждениями цензуры тянулась с 25 августа по 15 октября 1871 г., когда дело было, наконец, решено в благоприятном для Бартенева смысле⁹.

Первоначальный запрос Московского цензурного комитета не сохранился, и дело открывается телеграммой заведующего Главным управлением по делам печати Шидловского: «Записок Басаргина задерживать не следует. Бумаги и письма Рыльева подлежат аресту»¹⁰. 29 августа председатель Московского цензурного комитета И. В. Росковшенко предупредил Бартенева, что «при всем уважении» к его изданиям цензура будет поставлена «в необходимость задержать в типографии имеющийся на днях явиться в свет „сборник XIX век“, так как в нем помещены воспоминания о государственном преступнике Рылееве и письма его». П. И. Бартенев в своем оправдании указал на то, что письма Рыльева и его стихи «не очень давно» были уже опубликованы в «Русской старине» (1871, № 1) и, кроме того, что «он помещает статьи о Рылееве только как материал для истории русской литературы, не касаясь его политического характера, и сверх того помещает при статьях собственное примечание, в котором осуждает его как государственного преступника, получившего заслуженную им кару»¹¹.

Ознакомившись с содержанием статей, относящихся к Рылееву, Росковшенко нашел их в общем вполне приемлемыми, за исключением первой статьи, принадлежавшей перу Е. П. Оболенского¹². Главное управление по делам печати не нашло в содержании присланных ему материалов «ни малейшего повода к судебному преследованию», но, — добавлял Шидловский, — «буквальный смысл известного Вам высочайшего повеления ясен, и я не могу взять на себя допустить их выпуск в свет»¹³. Начальник Главного управления по делам печати имел в виду повеление Александра II «о недопущении к выходу в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его, и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения и в каком бы виде они ни издавались». Напоминая об этом повелении царя в следующем своем конфиденциальном письме в Московский цензурный комитет, Шидловский требовал «немедленно донести», почему «вопреки буквальному смыслу указанного высочайшего повеления», Московский цензурный комитет не сделал «немедленно распоряжения о задержании книги „Девятнадцатый век“»¹⁴. В ответ на это Росковшенко 4 сентября 1871 г. известил петербургское начальство о задержке первой книжки

сборника¹⁵. От управляющего типографией Иогансона, «швейцарского подданного Фетерли», была отобрана подписка в том, что книга, «отпечатанная в количестве 2350 экземпляров, не будет им выпущена из типографии <...> до особого со стороны Комитета распоряжения»¹⁶.

Александр II, по докладу статс-секретаря А. Б. Лобанова-Ростовского, согласился с тем, что, «поскольку издание предпринятое Бартевым, не имеет тех предосудительных целей, которые послужили поводом к воследованию высочайшего повеления 18 февраля, и что преступление Рылеева совершилось 46 лет тому назад» — первый том сборника «Девятнадцатый век» может быть выпущен в свет¹⁷.

Тех, кто в условиях русской цензуры 1860—1880-х годов вознамерился издавать более или менее полные собрания сочинений Рылеева, ожидали, естественно, еще большие мытарства.

В 1860 г. прогрессивный русский литератор Л. Л. Камбек¹⁸ сделал попытку добиться разрешения на издание избранных сочинений Рылеева. В делах III Отделения сохранилось прошение Камбека «на высочайшее имя», написанное им уже после того, как его хлопоты в Петербургском цензурном комитете не увенчались успехом:

«Занимаясь собиранием материалов для истории литературы нашей, собрал я бывшие в двадцатых годах изданные отдельно и в различных повременных журналах сочинения Кондратия Рылеева. Собрание это было представлено в феврале сего года в С.-Петербургский цензурный комитет, который, за исключением двух пьес, не нашел препятствий по правилам цензуры к изданию этого собрания, но считал нужным представить это на утверждение Главного управления цензуры, так как сочинения эти принадлежали перу бывшего государственного преступника. Ныне Главное управление цензуры дало знать, что оно настоящее издание разрешить не может.

Ваше величество всемилостивейшим манифестом 1856 года простили всех государственных преступников и в том числе сподвижников Рылеева. Неужели имя мертвого не получит прощения?

Ваше величество, прибегаю к вашей монаршей милости с всеподданнейшею просьбою разрешить мне издание этих сочинений как материала к истории нашей литературы, в которых цензура не нашла ничего, кроме имени автора, могущим служить препятствием к изданию...»¹⁹.

Прошение Камбека было подано 25 мая 1860 г.; уже через два дня, 27 мая, воследовала резолюция: «Высочайше повелено оставить без следствий».

Спустя семь лет такая же попытка была сделана неким Н. Флиге. Об этом свидетельствует неопубликованное «Дело С.-Петербургского комитета по рукописи „Стихотворения Рылеева“, начатое 13 апреля и законченное 20 июня 1867 г.». Как явствует из справки на первом листе этого цензурного «дела», титулярный советник Н. Флиге 13 апреля 1867 г. сдал рукопись «Стихотворения Рылеева» в Петербургский цензурный комитет. Рукопись дана была на просмотр цензору А. Смирнову, который 10 мая 1867 г. представил о ней такой отзыв:

«Стихотворения Рылеева, заключающиеся в прочитанной мною тетради („Войнаровский“ и замечательные моменты из жизни знаменитейших государей русских и некоторых исторических личностей), по существу своему, не представляют ничего противного правилам цензуры, за исключением поэмы „Войнаровский“, в которой выражено слишком восторженное воспоминание о минувшей независимости Малороссии, и „Видение Анны Иоанновны“, в котором рассказывается о явлении ей в тронной зале головы казненного Волынского. „Войнаровского“ могут принимать за агитацию к сепаратизму, а „Видение“, как частный случай из жизни

государыни той эпохи, о которой разглашать всего не разрешено, не подлежит дозволению к печати, по крайней мере, без согласия министерства двора. По обстоятельствам, стихотворения К. Ф. Рылеева не могут быть дозволены к печати, как сочинения политического преступника, по крайней мере, без разрешения высшего начальства»²⁰.

На основании докладной записки цензора А. Смирнова Главным управлением цензуры было составлено отношение в Главное управление по делам печати (№ 491 от 29 мая 1867 г.), в котором с неудовольствием отмечалось, что в поэме «Войнаровский» «выражено слишком восторженное воспоминание о минувшей независимости Малороссии». Из других стихотворений Рылеева цензор не счит возможным дозволить к печати: 1) «Исповедь Наливайки», 2) конец стихотворения «Пустыня» со слов «тогда как он порой...», 3) «К К—му», 4) «К временщику» и 5) «Гражданское мужество». «Как сии, так и остальные стихотворения появлялись своевременно в печати, так что более или менее известны читающей публике; но, принимая во внимание имя их автора, цензор не признает возможным дозволить их к печати без разрешения высшего начальства»²¹.

47) ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Николая Глазунова, состоящемъ въ домѣ Г-жи Курманаловой, противъ фасада Присудственныхъ Мѣстъ, продаются слѣдующія новыя книги:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА,

карманная книжка для любителей и любителей теней, на 1832 годъ. М. въ Ун. Тип. 1832 г.; цѣна на обыкновенной бумагѣ 5 руб. 50 к., на велен. 8 руб.

4

ЭЛИЗИУМЪ,

Альманахъ на 1852 г., издан. П.ловскимъ. М. 1852 г. въ У. Т., на велен. бум. Цѣна 10 р. асс.

РОСЛАВЕВЪ, или Рускіе въ 1812 г. соч. М. Загоскина, въ 4 Ч. изданіе второе. М. въ т. Н. Ст. Цѣна 20 р. асс., въ пер. 22 р.

МАРША ПОСАДНИЦЪ Новгородская, Трагедія въ 5 дѣйств. въ спискахъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1850 г. въ Ун. Тип. Цѣна 5 руб. 50 к. въ перепл. 6 руб. 50 к.

КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ,

историческая повѣсть въ спискахъ А. Мицкевича пер. А. Ш. съ 2 гравир. картинок. М. 1832 въ У. Т. Цѣна 6 р., въ пер. 7 руб.

КИРГИСЪ-КАЙСАКЪ, повѣсть; сочин. В. Ушакова. 2 Ч. М. 1831 г. въ т. Ст. Цѣна 8 руб., въ перепл. 10 руб.

КОТЪ БУРМОСЬКО, любимецъ Халифа Али-Мамума, повѣсть В. Ушакова. М. въ т. Ст. Цѣна 5 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА,

карманная книжка на 1825 г., изд. А. Бестужева и К. Рылѣвымъ. СПБ. въ Воен. т. Главн. Штаба. Цѣна 25 руб. ассигнац.

ВОЙНАРОВСКІЙ соч. К. Рылѣва. М. въ т. Сел. 1825 г. Цѣна 25 р. асс.

Картина осенняго похода 1813 г. въ Германію послѣ перемирія до обратнаго перехода Французской арміи черезъ Рейнъ; соч. Г. М. А. П. Бутурлина, служащая продолженіемъ исторіи катехвиза Императора Наполеона на Россію. СПБ. 1830 г. 6 р. въ пер.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДАЖЕ
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Н. ГЛАЗУНОВА ВЪ МОСКВѢ
«ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ» НА 1825 Г.
ИЗДАНИЕ РЫЛЕЕВА И А. БЕСТУЖЕВА) И «ВОЙНАРОВСКО-
ГО» РЫЛЕЕВА

«Московскіе ведомости» от 16 января 1832 г., № 5

Однако Петербургский цензурный комитет не ограничился предложением сделать купюры в тексте «Войнаровского» и изъять из рукописи как «неудобную к печати» думу «Видение Анны Иоанновны». Комитет стремился фальсифицировать облик поэта-декабриста, выпустив сборник стихотворений Рыльева без сатиры «К временщику», оды «Гражданское мужество» и «Исповеди Наливайки».

Ответ на это предложение Цензурного комитета (отношение Главного управления по делам печати № 1778, 20 июня 1867 г.) получен был недели через три. Он оказался отрицательным; «вследствие представления С.-Петербургского цензурного комитета от 29 истекшего мая, № 491, о затруднениях, встреченных означенным Комитетом к удовлетворению ходатайства титулярного советника Н. Флиге касательно дозволения к печати рукописи под заглавием „Стихотворения К. Ф. Рыльева“, Главное управление по делам печати, по рассмотрении сказанной рукописи, не признает возможным разрешить оную в настоящее время к печатанию. Об этом предлагаю Комитету к зависящему исполнению. Две тетради „Стихотворений Рыльева“ при сем возвращаются»²².

Высшее цензурное учреждение Российской империи предпочло не копаться в мелочах, а запретить издание в целом.

Петербургский цензурный комитет запомнил данный ему урок и в ближайшие же годы обнаружил требуемую от него бдительность в отношении творчества «государственного преступника», что в полной мере явствует из конфиденциального отношения Комитета «господину старшему инспектору типографий в С.-Петербурге» (№ 845, 6 ноября 1869 г.):

«В „С.-Петербургских ведомостях“ (№ 291) было напечатано объявление о печатающемся и имеющем появиться в свет в конце нынешнего года издании книжного магазина Черкасова „Сочинения К. Ф. Рыльева с портретом, биографической статьей и примечаниями. Редакция издания П. А. Ефремова“. Имея в виду, что автор вышеупомянутых сочинений был государственным преступником и вследствие того предвидя затруднения к обнародованию его сочинений и биографии, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне конфиденциально и в непродолжительном времени сведения о том, печатается ли или готовится к печати и в какой именно типографии вышеозначенная книга»²³.

Ответ на эту бумагу пришел немедленно: 7 ноября 1869 г. старший инспектор типографий в Петербурге, генерал-майор Лерхе, уведомлял председателя Петербургского цензурного комитета, что «по отзыву, данному в книжном магазине Черкасова, книга „Сочинения К. Ф. Рыльева“ не печаталась и печататься не будет».

Эта «конфиденциальная» переписка свидетельствует о том, что издание сочинений Рыльева, которое было выпущено П. А. Ефремовым в 1872 г., готовилось им в течение нескольких лет, и еще задолго до выпуска в свет привлекло к себе внимание Петербургского цензурного комитета.

В том же резко недоброжелательном к сочинениям Рыльева тоне Цензурный комитет выступил 13 сентября 1872 г. по докладу цензора А. Н. Юферова «О подцензурном журнале „Сияние“, издаваемом дворянином Турбою под редакторством подполковника Бугайского». В пункте 3-м этого доклада читаем: «„Сочинения и переписка Кондратия Рыльева“. В этой статье не только помещен одобрительный отзыв о поэтическом таланте известного политического преступника, но и высказывается сочувствие к его личности как человека»²⁴.

Итак, еще в 1872 г. царская цензура считала преступным высказывать сочувствие к личности Рыльева!

Издание под редакцией П. А. Ефремова было предпринято им совместно с дочерью Рыльева, Анастасией Кондратьевной Пущиной,

которая делала попытку такого издания еще в 1858 г., а затем и в 1860 г.²⁵

В начале 1872 г. издание под редакцией П. А. Ефремова было закончено. Оно было осуществлено по рукописям, предоставленным в распоряжение редактора А. К. Пущиной. Это издание вышло в свет с очень большими трудностями. Цензурную волокиту начал 10 мая 1872 г. цензор Петербургского цензурного комитета А. де Роберти, который в своем докладе указывал:

«Просмотрев препровожденную ко мне отпечатанную без цензуры книгу „Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева“, издание его дочери под редакцией П. А. Ефремова, я нашел, что она по содержанию своему не представляет ничего противного законам о печати. Тем не менее, имея в виду высочайшее повеление, объявленное Комитету от 12 февраля 1871 г. о сочинениях лиц, признанных изгнанными из отечества и государственных преступников, я полагаю, что книга „Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева“ не может быть выпущена в свет»²⁶.

Получив этот отрицательный отзыв на уже отпечатанную книгу, Петербургский цензурный комитет немедленно забил тревогу. В отношении петербургскому обер-полицеймейстеру (№ 451) 10 мая 1872 г. сообщалось:

«Сего 10 мая представлена в СПб. цензурный комитет отпечатанная без предварительной цензуры в количестве 2000 экземпляров в типографии Глазунова (Б. Мешанская, 8) книга под заглавием „Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева. Издание его дочери под ред. П. А. Ефремова. СПб. 1872“.

На основании 14-й статьи III главы приложения к статье 5 (примеч. 4) Устава цензуры, т. XIV по пред. 1868 г., СПб. цензурный комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о наложении ареста на отпечатанные экземпляры настоящей книги, до наступления срока выхода оной в свет, и о последствиях распоряжений вашего превосходительства по сему почтить Комитет уведомлением. Срок выхода книги в свет наступит 13 мая в 1 час пополудни».

Просьба Цензурного комитета была исполнена немедленно: 13 мая 1872 г. обер-полицеймейстер отвечал в С.-Петербургский цензурный комитет: «вследствие отношения от 10 сего мая за № 451, имею честь уведомить Комитет, что отпечатанная в типографии Глазунова книга „Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева“ по моему распоряжению заарестована и, по опечатании, сдана на хранение фактору типографии Степанову»²⁷.

Участь издания сочинений Рылеева, повидимому, была решена; к нему можно было уже применить некрасовские стихи из «Песни о свободном слове»:

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!

Однако А. К. Пущина и П. А. Ефремов не сдались. Судя по всему, они посетили в те же дни главу Министерства внутренних дел А. Е. Тимашева, которому и указали на вопиющее несоответствие между отменой предварительной цензуры и запрещением сочинений Рылеева. 18 мая 1872 г. Тимашев сделал на имя царя нижеследующий доклад по Главному управлению по делам печати Министерства внутренних дел:

«Дочь государственного преступника Рылеева, Н. К. Пущина, ввиду близкого истечения 50-летнего срока, после которого наследники писателя лишаются прав литературной собственности на его произведения,

приступила к изданию собрания сочинений своего отца, приводимому ныне к окончанию.

Между тем на основании высочайшего повеления, состоявшегося 12 февраля 1871 г., впредь до утверждения в законодательном порядке тех мер, какие выработаны будут в отношении предупреждения злоупотреблений по изданию сочинений лиц, признанных изгнанниками из отечества и государственных преступников, сочинения эти не могут быть допускаемы к выходу в свет, какового бы содержания и в каком бы виде они ни были изданы, под собственными ли именами авторов или под какими-либо псевдонимами и знаками.

Г-жа Пущина, известясь, что существует специальное распоряжение, могущее воспрепятствовать выходу в свет издаваемой ею книги, ходатайствует о том, чтобы к этому изданию применены были общие правила, установленные в законах о печати и цензуре, каковое ходатайство не может быть удовлетворено без особого на то высочайшего повеления.

Почти все произведения Рылеева были первоначально напечатаны при его жизни в 1818—1825 годах, под предварительною цензурою, которая не находила повода к их запрещению. Действительно, они отличаются преимущественно выражением чувств и мыслей, которые не имеют общего с преступными заблуждениями, обнаружившимися в последние дни его жизни. Пламенный патриотизм, национальная независимость, негодование к порокам — таковы главные мотивы, вдохновлявшие Рылеева <...>

Некоторые немногие сочинения Рылеева, не напечатанные им при жизни, явились в последние годы, до воспоследования высочайшего повеления 12 февраля 1871 г., в качестве биографических материалов, на страницах разных сборников и журналов, где встречаются и сведения о жизни автора. После того некоторые из сочинений этих были помещены в сборнике „XIX век“, на выпуск коего в свет последовало высочайшее вашего императорского величества разрешение 13 октября минувшего года. Вообще, посмертные сочинения Рылеева написаны в том же духе, как и предыдущие. Как те, так и другие не заключают в себе даже той доли свободомыслия, которая в настоящее время допускается в литературных произведениях, не возбуждая против себя каких-либо административных мер или судебных взысканий...»²⁸

Как свидетельствует письмо П. А. Ефремова от 15 января 1905 г. к С. С. Сухонину, эта докладная записка получила ход главным образом благодаря поддержке генерал-адъютанта А. М. Рылеева, родственника поэта и любимца царя²⁹. 23 мая 1872 г. Александр II разрешил печатание сочинений Рылеева на общем основании, после чего первое издание освобождено было 2 июня от ареста и поступило в продажу.

Итак, первое легальное собрание сочинений Рылеева к лету 1872 г. проведено было через теснины царской цензуры. Тяжелых жертв стоило изданию этой книги. В ней не нашлось места «Молитве Наливайки», стихотворениям на смерть Байрона, на смерть Чернова, агитационно-сатирическим песням, «Вадиму» и «Я ль буду в роковое время...». Ряд произведений Рылеева — и между ними «Войнаровский» — печатались здесь с устранением острых в политическом отношении мест. Редактору издания, П. А. Ефремову, в предисловии к книге пришлось доказывать, что «сочинения Рылеева, не имея ничего общего с его политической деятельностью, принадлежат к чисто литературным и притом замечательным по таланту произведениям; что хотя Рылеев был признан судом государственным преступником и понес наказание, но в стихотворениях его нет ничего преступного...».

Сочинения Рылеева и позднее продолжали встречаться цензурой с подозрением и недоброжелательством. Об этом свидетельствует, на-

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ КОНЦѢ НЫНѢШНЯГО ГОДА ПОЯВЯТСЯ ВЪ СВѢТѢ

ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА:

СОЧИНЕНІЯ А. Н. РАДИЩЕВА

всѣ, какія остались, со включеніемъ полнаго текста

„ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКУ“, по подлинному тексту изданія 1790 г., съ приложеніемъ портрета, новой статьи о Радищевѣ А. Н. Пыпина и примѣчаніями. Редакція изданія П. А. Ефремова.

СОЧИНЕНІЯ К. Ф. РЫЛѢВА,

съ портретомъ, биографическою статьей и примѣчаніями. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1— 5331.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕДСТОЯЩЕМЪ ВЪ КОНЦЕ 1869 г. ВЫХОДЕ ВЪ СВѢТЪ СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНИЙ РЫЛЕЕВА, ПОД РЕДАКЦІЕЙ П. А. ЕФРЕМОВА

Объявление привлекло вниманіе цензуры, и изданіе было осуществлено лишь в 1872 г.

«С.-Петербургскіе ведомости» от 22 октября 1869 г.

пример, доклад цензора Ведрова, составленный им 16 марта 1889 г. для Петербургскаго цензурнаго комитета о рукописи: «К. Ф. Рылеев. Войнаровский. Поэма. СПб., изд. Тарасов». Цензор отклонил рукопись по ряду оснований и прежде всего потому, что поэма «Войнаровский» проникнута гражданским чувством, «которое везде проявляется; это борьба ретиваго защитника родины съ его притеснителем. Ни для кого не тайна, что въ сочиненіяхъ Рыльева, и преимущественно въ этомъ, выражается его личное пониманіе значенія „гражданинъ“. Цензора Ведрова приводило въ волненіе то обстоятельство, что «имена Рыльева и Бестужева будутъ красоваться первыми въ энциклопедической библіотекѣ, какъ представители русской литературы и русскаго чувства!»³⁰. Предпринятое Тарасовымъ изданіе было запрещено. Черезъ семнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Александръ II разрешилъ печатать «Войнаровскаго» вместе съ другими сочиненіями Рыльева, въ 1889 г. эта поэма была запрещена за проявленіе въ ней «гражданскаго чувства поэта» и любви къ Украинѣ! Въ мрачныя годы царствованія Александра III репутація «государственнаго преступника» закрепила за Рылеевымъ особенно прочно.

Исторія цензурныхъ мытарствъ сочиненій Рыльева можетъ быть завершена документами, касающимися опубликованія въ 1905 г. рылеевскаго... портрета. Все тотъ же бдительный Петербургскій цензурный комитетъ извѣщалъ Главное управленіе по деламъ печати о томъ, что «въ качествѣ бесплатнаго приложенія къ ежемесячному подцензурному журналу „Всемирный вѣстникъ“ издается собраніе сочиненій известнаго декабриста К. Ф. Рыльева, въ которомъ предполагается поместить и портретъ этого писателя. Хотя высочайшимъ повелѣніемъ, последовавшимъ въ 23-й день мая 1872 г., и разрешено применить общіе законы о печати и цензурѣ къ собранію сочиненій Рыльева, изданныхъ его дочерью, г-жею Пущиной, и хотя затѣмъ вышло несколько изданій произведеній названнаго поэта, но о портретѣ его въ означенномъ высочайшемъ повелѣніи не упоминалось. Въ делахъ СПб. цензурнаго комитета не имѣется указаній на то, что портретъ Рыльева былъ разрешаема для какого-либо изданія, предназначаемаго

к продаже. Ввиду сего СПб. цензурный комитет имеет честь испрашивать указаний Главного управления по делам печати, может ли быть дозволен к напечатанию в приложении ко „Всемирному вестнику“ препровождаемый при сем портрет»³¹.

Как мы видим, через восемьдесят лет после декабрьского восстания еще ставился вопрос о допустимости распространения портрета Рылеева, продолжавшего числиться «государственным преступником»! Царская цензура преследовала имя и творчество поэта до тех пор, пока она сама существовала. И лишь после Великой Октябрьской социалистической революции пламенное слово поэта-декабриста обрело в нашей стране полную свободу.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Из предисловия редактора к изд.: Рылеев. Стих., стр. XII.
- ² ЦГИА, ф. № 109, 1 СА, перлюстрация, 1827 г., д. 843, л. 67.
- ³ Там же, д. 977 Е, л. 1.
- ⁴ Там же, 1 эксп., 1832 г., д. 57, л. 1.
- ⁵ Там же, лл. 2, 6.
- ⁶ Там же, 1827 г., д. 206, л. 2—2 об.
- ⁷ Там же, лл. 1—5.
- ⁸ Там же, 1847 г., д. 198, л. 7.
- ⁹ См. дело канцелярии Главного управления по делам печати о сборнике Бартенева «Девятнадцатый век». — ЦГИАЛ, ф. № 776, 1871 г., оп. 5, д. 127, лл. 1—12. — Материалы по цензурной истории сб. «Девятнадцатый век» сообщены редакции «Литературного наследства» Л. Н. Назаровой.
- ¹⁰ Телеграмма заведующего Главным управлением по делам печати, 25 августа 1871 г. — Указ. дело, л. 1.
- ¹¹ Письмо председательствующего в Московском цензурном комитете от 30 августа 1871 г. — Указ. дело, л. 2.
- ¹² Там же, л. 2 об.
- ¹³ Отношение Главного управления по делам печати, 30 августа 1871 г. — Указ. дело, л. 4.
- ¹⁴ Отношение Главного управления по делам печати, № 3712, 3 сентября 1871 г. — Указ. дело, лл. 5—6.
- ¹⁵ Отношение Московского цензурного комитета, № 849, 4 сентября 1871 г. — Указ. дело, л. 7—7 об.
- ¹⁶ Отношение Московского цензурного комитета, № 858, 7 сентября 1871 г. — Указ. дело, л. 8—8 об.
- ¹⁷ См. отношение товарища главного начальника III Отделения, № 1916, 13 октября 1871 г. (указ. дело, л. 10), доклад по Главному управлению по делам печати, с резолюцией царя: «Согласен» (указ. дело, л. 11—11 об.) и отношение завед. Главным управлением по делам печати в Московский цензурный комитет, № 4439, 15 октября 1871 г. (указ. дело, л. 12). Последним документом, содержащим разрешение немедленно выпустить книгу Бартенева в свет, это дело было завершено.
- ¹⁸ См. о нем статью С. А. Рейсера «Журналист и обличитель Лев Камбек». — «Звенья», IX, 1950, стр. 766—784.
- ¹⁹ ЦГИА, ф. № 109, 1860 г., д. 141, л. 1.
- ²⁰ ЦГИАЛ, ф. № 777, 1867 г., оп. 2, д. 51, л. 2.
- ²¹ Там же, л. 3.
- ²² Там же, л. 4.
- ²³ Там же, л. 5—5 об.
- ²⁴ Там же, дело «О подцензурном журнале „Сияние“...», 1871—1874 гг., д. 63, л. 46.
- ²⁵ См. об этом в прошении А. К. Пушкиной В. А. Долгорукову от 21 июня 1860 г. с той же графаретной резолюцией: «Оставить без последствий» (ЦГИА, ф. № 109, 1860 г., д. 141, лл. 4—5).
- ²⁶ ЦГИАЛ, ф. № 777, оп. 2, д. 62, л. 1.
- ²⁷ Там же, лл. 2—3 об.
- ²⁸ Там же, ф. № 776, оп. 1, д. 8, лл. 13—15 об.
- ²⁹ Подробнее о цензурной истории первого русского легального издания «Сочинений К. Ф. Рылеева» см. в комментариях Ю. Г. Оксмана к письму П. А. Ефремова от 15 января 1905 г. к С. С. Сухонину, публикуемому в «Ученых записках Саратовского гос. университета», т. XXXIII, 1953, стр. 133—138.
- ³⁰ ЦГИАЛ, С.-Петербургский цензурный комитет. Доклады цензоров по непериодическим изданиям за 1889 г., ф. № 777, оп. 4, д. 131, лл. 79 а—80.
- ³¹ Там же, оп. 5, д. 168.